

С.ПЕТЕРБУРГЪ, № 1510

С.ПЕТЕРБУРГЪ, № 1510

СОВЕТСКАЯ

СОВЕТСКАЯ
СОВЕТСКАЯ

Худ. Фотоинн.

Л-ПЛАВАЧЕВЪ, ИЗОЛЮ

СОЧИНЕНИЯ

Н. В. ШЕЛГУНОВА

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

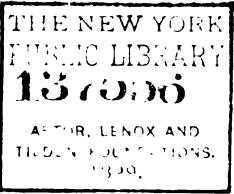
—
ТОМЪ ВТОРОЙ.

Цѣна за два тома—3 рубля.

С. ПЕТЕРВУРГЪ.

Обложка напечатана въ типографіи И. Н. Скорокходова, Надеждинская, 43.
Текстъ въ типографіи Четарева, Большая Морская, № 65.

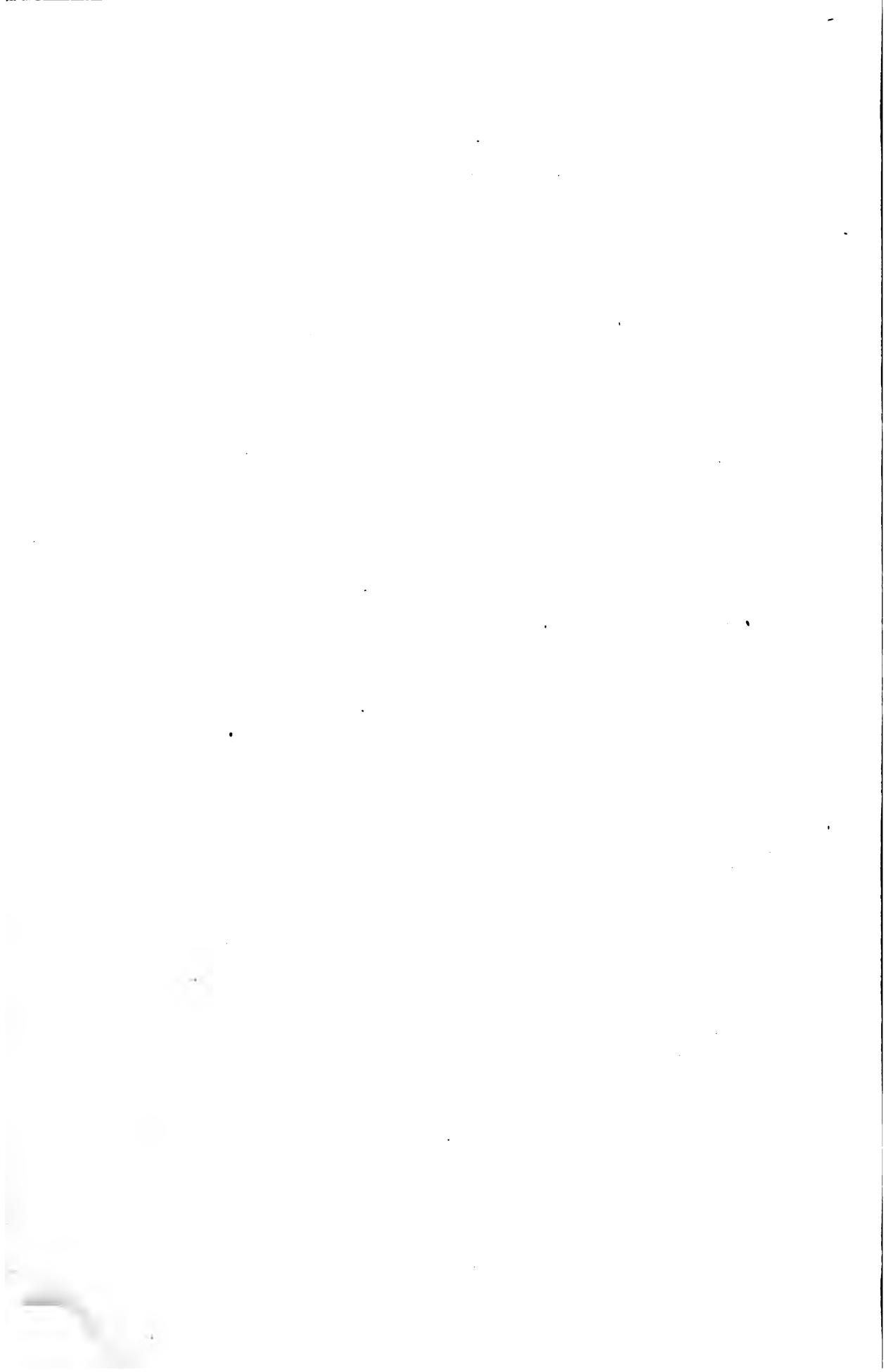
1895.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬНИЦЫ.

Предпринимая настоящее изданіе сочиненій Н. В. Шелгунова, я предполагала повторить изданіе Ф. О. Павленкова почти безъ измѣненій, т. е. издать 2 тома, какъ о томъ и было объявлено. Во время печатанія я измѣнила намѣреніе, и всѣ статьи послѣднихъ годовъ жизни Николая Васильевича рѣшила издать отдельнымъ томомъ, сохранивъ заглавіе: «Очерки русской жизни». Часть этихъ статей вошла въ изданіе г. Павленкова подъ рубрикой статьи публицистической; во II-й томъ издаваемаго мною Собранія сочиненій Н. В. Шелгунова онѣ не вошли, а вместо нихъ помѣщены статьи: Кустарная неурядица, Изъ исторіи русской деревни, Типы русскаго безсилія и Народный реализмъ въ литературѣ.

О. Н. Попова.

ОГЛАВЛЕНИЕ ВТОРОГО ТОМА.

СТАТЬИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЯ.

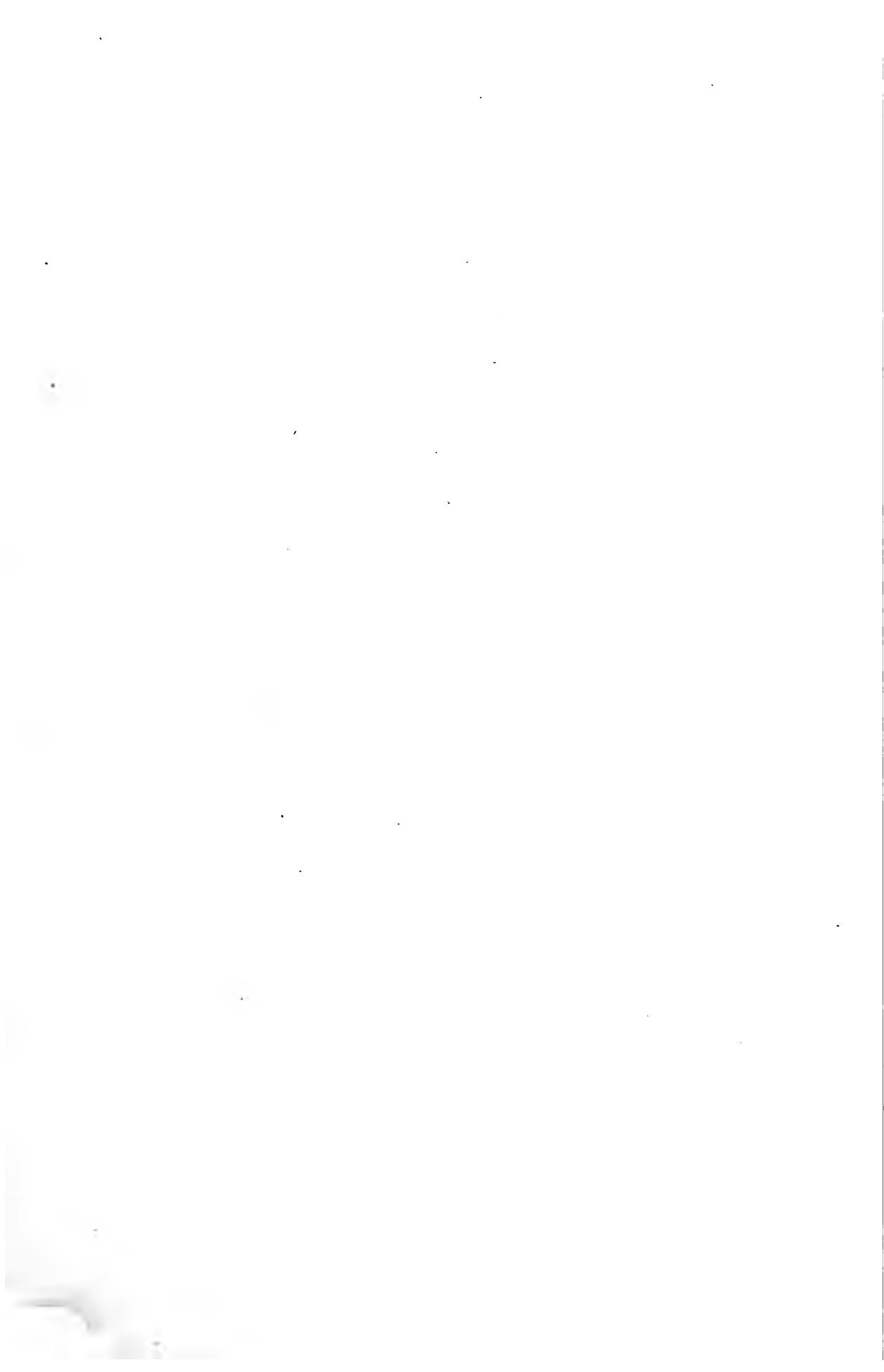
	СТР.
Рабочий пролетариат въ Англіи и во Франції	1
Машини и англійская промышленность.—Пролетарій въ большихъ городахъ.—Соперничество.—Лишне люди.—Большин.—Невѣжество.—Разврат.—Честность фабрикантовъ.—Женщины и дѣти.—Чулочныя наяды и кружевное производство.—Печатание матерій и разрѣзываніе бархата.—Швец.—Мастера металлическихъ изделий.—Цыганство и разврат.—Помѣщенія рабочихъ.—Ручные ткачи, —Кружевницы и цвѣточницы.—Шляпные мастерицы и дѣвушки въ магазинахъ.—Прачки прислуга.—Швец.—Условия жизни работницъ.—Соперничество тюремъ, конституций и швейной машинамъ.—Помощь буржуазіи и попытки пролетарій-	122
Государственное хозяйство	200
Женское бездѣлье	252
Социально-экономический фатализмъ	282
Кустарная неурядица	312
Изъ истории русской деревни	312

СТАТЬИ КРИТИЧЕСКІЯ.

	СТР.
Талантливая безталантность	334
Философія застоя	368
Историческая сила критической личности	394
По поводу одной книги	416
Право и свобода	436
Первый нѣмецкій публицистъ	458
Гений молодой Германиі	482
Нѣмцы мысли и нѣмцы дѣла	510
Типы русского бессилия	544
Народный реализмъ въ литературѣ	568

ВОСПОМИНАНІЯ.

Изъ прошлаго и настоящаго	604
Переходные характеры	707

СТАТЬИ СОЦІАЛЬНО-ЭКОНОМІЧЕСКІЯ.

РАБОЧІЙ ПРОЛЕТАРІАТЪ ВЪ АНГЛІИ И ВО ФРАНЦІИ.

Недавно вышелъ у насъ переводъ книжки Гильдебранта: «Политическая экономія настоящаго и будущаго». Книжку эту даже хвалили въ периодическихъ изданіяхъ; но за что? Кому она нужна? Такія книжки для людей знающихъ—ненужны, а для незнающихъ—въ двухъ третяхъ непонятны, а понятной третьей частию—вредны. И что за сѣтило Гильдебрантъ? И кому нужны его личныя разсужденія? Нѣть, не такъ слѣдуетъ относиться къ публикѣ. Вмѣсто того, чтобы дать русскимъ читателямъ картину европейскаго экономического быта, переводчикъ предложилъ публикѣ мѣщанская разсужденія Гильдебранта, написанные имъ въ 1848 году, и безъ всякихъ дополненій и объясненій съ своей стороны, какъ будто бы слѣдующія 13 лѣтъ прошли совершенно безслѣдно для науки, какъ будто бы слово Гильдебранта было послѣднимъ и наука остановилась на 1848 году. Право, русские читатели заслуживаютъ большаго уваженія!

Мы говоримъ о Гильдебрантѣ совсѣмъ не потому, чтобы стояло особенно говорить о немъ, но потому, что намъ выдаютъ его за одного изъ пророковъ политической экономіи, что насъ сбиваются съ толку, наконецъ потому, что, предлагая голословныя разсужденія людей одной партіи и ихъ наладки на людей другого взгляда на вещи, людей во всѣхъ отношеніяхъ далеко выше ихъ, въ то же время

скрываютъ намѣреніо, чтѣ говорять эти послѣдніе. Читателю не хотятъ дать права составить собственное заключеніе, судить своимъ умомъ.

Въ числѣ писателей, на которыхъ нападаетъ Гильдебрантъ, есть и Энгельсъ, одинъ изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ нѣмцевъ. Имя это у насъ совсѣмъ неизвѣстно, хотя европейская экономическая литература обязана ему лучшимъ сочиненіемъ объ экономическомъ бытѣ англійского рабочаго. Разница между Гильдебрантомъ и Энгельсомъ въ томъ, что Энгельсъ называется худое худымъ и не хочетъ этого худого; а Гильдебрантъ, напротивъ, находить, что дурное не только не дурно, но что оно такъ и должно быть. Ужъ не поэтому ли переводъ Гильдебранта такъ и понадобился у насъ?

Факты, которые мы сообщимъ ниже, наведутъ читателя на болѣе полезныя для него размышленія, объяснять ему лучше причины, вызвавшія такъ много возраженій противъ существующихъ европейскихъ экономическихъ порядковъ, и познакомить полноѣ съ бытомъ наибольшей массы населения счастливой и могучей Англіи и блаженствующей Франціи, чѣмъ сотни пустыхъ книжонокъ, набитыхъ разсужденіями какихъ нибудь Гильдебрантовъ. Мы покажемъ читателю другую сторону медали.

РАБОЧІЕ ВЪ АНГЛІИ.

I. Машины и англійская промышленность.

1764 годъ сдѣлалъ коренней переворотъ въ промышленномъ мірѣ. Онъ положилъ начало той переходной экономической эпохѣ, которая продолжается еще и до сихъ поръ. Переворотъ произвела «джиннія», прядильная машина, придуманная ткачомъ Джемсомъ Гаргревомъ, и паровая машина Джемса Уатта.

До изобрѣтенія машинъ, пряжа и тканье производились рабочими на дому. Жена и дочь рабочей

СОЧИНЕНІЯ П. ШЕЛГУНОВА. Т. II.

семьи устанавливали основу, а мужчина ткалъ. Семейства такихъ ткачей жили обыкновенно въ селеніяхъ, близъ городовъ. Заработки ихъ были вполнѣ достаточны для ихъ жизни: ссобѣдній рынокъ былъ единственнымъ мѣстомъ сбыта ихъ произведеній, а развитіе производствъ не создало еще того соперничества, которое впослѣдствіи такъ понизило задѣльную плату рабочимъ и положило начало конкуренціи между ними.

Впослѣдствіе этой простоты отношеній производителей и между собою, и къ потребителямъ—рабо-

чай имѣть возможность даже откладывать часть заработковъ; на этотъ излишокъ онъ снималъ землю и въ свободное время занимался ея обработкой. А такого свободнаго времени у него было всегда довольно, потому что онъ ткаль, когда хотѣлъ и сколько хотѣлъ—конкуренція ему не вредила.

Разумѣется, сельское хозяйство ткача не отличалось особенной выгодой, доходъ отъ земли получалъ онъ малый; но за то ткачъ не былъ пролетаріемъ, у него были корни въ родной почвѣ.

Жизнь эта имѣла свои пріятныя стороны; материальное положеніе рабочаго не было во все дурно, ему не приходилось ткать и прѣсть до упадка силъ, у него было свободное время, когда онъ копался въ своемъ огородѣ или въ полѣ, и работа эта служила ему не только отдыхомъ, по она укрепляла и поддерживала его здоровье. Праздникъ тоже имѣлъ для него значеніе; посѣщеніе родныхъ и знакомыхъ, игра въ кегли, въ мячъ,—все это были радости; праздникъ былъ праздникомъ. Понятно, что жизнь среди природы, трудъ, не истощающій силъ, должны были дѣйствовать и вмѣли, дѣйствительно, благодѣтельное влияніе на рабочихъ. Они были, большою частью, крѣпкіе, хорошо сложенные люди, и почти ничѣмъ не уступали своимъ сосѣдамъ, чистымъ земледѣльцамъ. И дѣти ихъ были не то, что дѣти нынѣшніхъ фабрічныхъ рабочихъ. Дѣти росли на свѣжемъ воздухѣ, и если помогали своимъ родителямъ въ работѣ, то это была только помощь, а не двѣнадцати-часовой изнурительный трудъ: родители берегли своихъ дѣтей, они ростили, они воспитывали ихъ, они видѣли въ нихъ дѣтей.

Въ моральномъ отношеніи жизнь эта представляла тоже много хорошаго. Удаленые отъ соблазновъ городской жизни, рабочіе жили жизнью семейной, имѣли почти исключительное сношеніе со своими сосѣдями земледѣльцами, и стояли въ одномъ съ ними уровнѣ, какъ въ моральномъ, такъ и въ умственномъ развитіи. Рабочіе были люди почтенные, отцы семействъ, жили нравственно, потому что имъ и не было поводовъ быть безнравственными. Если они и посѣщали въ праздники шинки, то и тутъ не было разврата, а жило семейное начало: въ хозяинѣ они встрѣчали человека тоже почтенаго, обыкновенно зажиточнаго или даже богатаго арендатора, и шли у нихъ въ компаніи мирные разговоры о мирныхъ предметахъ. Дѣтей своихъ они держали дома, при себѣ, воспитывали ихъ въ послушаніи и въ страхѣ божьемъ, какъ и остальные земледѣльцы и люди ихъ состоянія. Такія патріархальныя отношенія родителей къ дѣтамъ сохранились обыкновенно до самаго ихъ брака. Дѣти сосѣдей, большою частью, росли и играли вмѣстѣ, и если между ними встрѣчалась—хоть и очень рѣдко—недозволенная связь, то обыкновенно только въ томъ случаѣ, когда бракъ былъ уже решенъ обѣими половинами заранѣе, и затѣмъ же нитью устанавливалось все въ границахъ обычая и мѣстныхъ нравовъ. Вся жизнь такихъ людей шла просто: не было въ ней особенной умственной дѣятельности, но не было и насильственныхъ колеба-

ній въ матеріальномъ отношеніи; немногіе изъ нихъ умѣли читать, а еще меньше писать; ходили они себѣ по праздникамъ въ церковь, слушали бблію и проповѣди; не напрягали своихъ умственныхъ способностей; политическихъ споровъ не знали и жили въ своихъ очень тѣсныхъ, частныхъ интересахъ, которые не шли дальше ихъ ткацкаго станка и огорода, безъ всякихъ отношеній къ движеніямъ, происходившимъ въ ихъ міре.

Правда, что это была жизнь вполнѣ растительная; рабочіе были только рабочіе, а не люди; но въ этой жизни была все-таки доля самостоятельности, существовало семейное начало; человѣкъ не чувствовалъ своей оторванности отъ всего его окружавшаго; онъ не былъ одинъ; у него былъ свой домъ, свой домашній очагъ; у него были минуты тихаго семейнаго покоя, были минуты дѣйствительнаго отдохновенія отъ работы; наконецъ въ самой работе онъ чувствовалъ свое «я», онъ располагалъ своимъ трудомъ свободно.

Но вотъ появилась дженинъ. Эта машина была только грубымъ началомъ смѣнившей ее впослѣдствіи прядильной машины. Дженинъ приводилась въ движение руками; но вмѣсто одного веретена, какъ при ручной прядкѣ, она имѣла отъ 16 до 18, приводимыхъ въ движение однимъ рабочимъ. Такое улучшеніе дало возможность увеличить значительно производство пряжи. Прежде одинъ ткачъ, занимая обыкновенно трехъ прядильщицъ, не имѣлъ всегда достаточно пряжи для своей работы: онъ долженъ былъ иногда ждать; но съ изобрѣтеніемъ дженинъ явилось пряжи больше, чѣмъ ткачи могли употребить. Цѣна, понизившаяся на матеріи, вслѣдствіе удешевленія прядки, увеличила число покупателей и запросъ какъ на матеріи, такъ и на ткачей. Вмѣстѣ съ этимъ поднялась и задѣльная пѣнѣ плата. Ткачъ, увидѣвъ, что онъ имѣть возможность хорошаго заработка, оставилъ свое сельское хозяйство и посвятилъ себѣ вполнѣ тканью. Въ это счастливое для ткачей время, семейство изъ четырехъ взрослыхъ работниковъ и двухъ дѣтей, при десяти-часовой работѣ въ день, зарабатывало въ недѣлю четыре фунта стерлинговъ или 28 р. сер., а иногда и болѣе. Случалось даже, что одинъ ткачъ добывалъ въ недѣлю два фунта или 14 руб. Такое выгодное занятіе постепенно оттануло ткачей отъ занятій сельскимъ хозяйствомъ, и создался новый классъ рабочихъ-ткачей, жившихъ исключительно заработной платой. Оставивъ свою или наемную землю, рабочій сдѣлался полнымъ поденщикомъ, рабочимъ капиталиста, и такимъ путемъ создался классъ особыхъ людей, неимѣющихъ никакой собственности—создался пролетарій (Working Man).

Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнились и отношенія ткачей къ прядильщикамъ. Прежде подъ одной и той же кровлей производились нерѣдко въ одно время и пряденіе, и тканье. Но съ дженинъ, требовавшей такихъ же крѣпкихъ рукъ, какъ и ткацкій станокъ, пришли за пряжу мужчины, а женщины остались безъ дѣла. И еще хуже: въ семействѣ ткачей, гдѣ старая прядка уже не годилась, а между тѣмъ не было средствъ купить дженинъ,—все се-

мейство должно было жить трудомъ главы семейства—ткача. Одинъ понесъ всѣ тяжести семьи. Но на этомъ еще не остановилось дѣло новооткрытой машины. Положивъ начало рабочему пролетариату, она создала пролетариатъ земледѣльческій. До машинъ существовало огромное число малыхъ поземельныхъ владѣльцевъ. Такіе собственники жили въ той же невозмутимой тишинѣ, какъ ихъ сосѣди, ткачи-земледѣльцы. Они обрабатывали свои земли по старой методѣ, какъ дѣлывали это ихъ отцы и дѣды, не любили нововведеній, и въ хозяйствѣ и въ образѣ жизни держались упорно старины. Между ними было много и арендаторовъ, но не въ томъ смыслѣ, какъ понимается это пынче. Они пользовались землей наслѣдственно или на основаніи договора, или по утвержденію уже старому обычая. Кусокъ земли переходилъ отъ отца къ сыну, и арендаторъ сидѣлъ на арендуемой имъ землѣ такъ же прочно, какъ на своей собственной. Теперь, по мѣрѣ того, какъ земледѣльцы-ткачи начали покидать свои участки, явилось много свободныхъ земель и ими завладѣлъ вновь явившійся классъ большихъ арендаторовъ, снимавшихъ въ оброкъ пространства въ двадцать, тридцать, пятьдесятъ десятинъ; вмѣстѣ съ этимъ измѣнились и самыя условія отдачи, т. е. сократились сроки, и оборочная плата, вслѣдствіе большихъ размѣровъ хозяйствъ, сдѣлалась подвижна и стала возвышаться ежегодно. Этотъ новый порядокъ подѣлился убийственno на старыхъ арендаторовъ небольшихъ участковъ. У нихъ недоставало силъ бороться съ большими арендаторами, имѣвшими полную возможность продавать свои продукты дешевле и жить далеко меньшимъ процентомъ отъ своего хозяйства, чѣмъ мелкие арендаторы. Послѣдній оставалось только выбирать одинъ изъ менѣе опасныхъ выходовъ изъ своего прежнаго положенія: или, отказавшись отъ участка или продавъ его—если онъ былъ собственный, — купить дженинъ и приняться за пряжу, или завести ткацкій станокъ, или же, наконецъ, идти въ земледѣльческіе посѣщеніи и работать у богатыхъ арендаторовъ, т. е. сдѣлаться земледѣльческимъ пролетаріемъ. Въ общемъ вышло послѣднее.

Но все это еще было только началомъ того ужаснаго будущаго, которое готовилось рабочему. Съ развитіемъ производствъ, отдѣльные капиталисты стали помѣщать дженинъ въ большихъ зданіяхъ и приводить ее въ движение водой. Этимъ явилась возможность сократить число рабочихъ и продавать пряжу дешевле, чѣмъ ее могли продавать рабочіе, имѣвшіе дженинъ ручную. А между тѣмъ, каждую минуту явились улучшенія въ машинахъ, старыя смѣнились новыми, и если съ новыми машинами могли соперничать капиталисты, приводившіе дженинъ въ движение водой, то ужъ ни въ какомъ случаѣ не могли выдерживать этого рабочіе, вертѣвшіе ее руками. Наконецъ, явилась машина Эркрайта (Arkwright), цирульника изъ Престона, въ сѣверномъ Ланкаширѣ. Машина эта, послѣ паровой машины Уатта, считается важнейшимъ изобрѣтеніемъ XVIII столѣтія. Соединеніемъ особенностей дженинъ и машины

Эркрайта, создалась мюоль (mule); въ томъ же 1785 году Эркрайтъ придумалъ еще кардирующую машину. Такимъ образомъ, для пряжи бумаги сложилась цѣлая фабричная система. Далѣе, небольшія измѣненія въ машинахъ дали возможность приложить ихъ къ обработкѣ шерсти и льна,— новая опасность ручному производству. Но на этомъ еще не остановилось дѣло. Въ послѣдніхъ годахъ прошлаго столѣтія докторъ Картрайтъ (Cartwright), сельскій священникъ, придумалъ механическій ткацкій станокъ и наконецъ такъ его усовершенствовалъ, что съ 1804 года могъ уже соперничать съ ручными ткачами. Всѣ эти изобрѣтенія, съ паровой машиной Уатта, примѣненной въ 1785 году къ машинной обработкѣ бумаги, получили, разумѣется, двойную важность. Машинное производство взяло окончательный перевесъ надъ ручнымъ и убило ручную работу. Близайшими слѣдствіями развитія мануфактурной промышленности явились: пониженіе цѣнъ на всѣ мануфактурные товары, развитіе промышленности и торговли, быстрое скопление и централизація капиталовъ и увеличеніе, въ общемъ объемѣ, народного богатства. Но выѣстъ съ этими блестящими сторонами мануфактурной промышленности явились и очень печальные: пролетаріатъ сталъ развиваться съ необычайной быстротой; собственность у рабочаго исчезла; увѣренность въ заработкѣ тоже; наконецъ явились безнравственность и политическая волненія.

Результаты промышленности, къ которымъ привели Англію машины, дѣйствительно поразительны. Возьмемъ бумагопрядильное производство. Въ 1771—75 годахъ ввозилось въ Англію сырой бумаги, среднимъ числомъ, 5 миллионовъ фунтовъ; въ 1841 году—528 миллионовъ; въ 1858 году—923,519,800 фунтовъ. Въ 1834 году Англія вывезла 556 миллионовъ ярдовъ бумажныхъ тканей, 76,500,000 фунтовъ бумажной пряжи и на 1,200,000 фунтовъ стерлинговъ бумажныхъ чулокъ. Въ томъ же году работало болѣе восьми миллионовъ веретенъ, 110,000 механическихъ и 250,000 ручныхъ ткацкихъ станковъ; поордественно и непосредственно, въ трехъ королевствахъ жили отъ этой промышленности полтора млн. людей, изъ которыхъ 220,000 работало на фабрикахъ. Въ 1850 году число всѣхъ фабрикъ было 4,600, а въ 1856 году—5,117. Именно: фабрикъ бумажныхъ издѣлій 2,210, шерстяныхъ 2,030, линяльныхъ и пеньковыхъ 417, шелковыхъ 460. Число рабочихъ, занятыхъ на этихъ фабрикахъ, было въ 1850 году 596,082 человѣка, въ 1856 году—682,497.

Главное мѣсто этой индустріи — Ланкаширъ, прежде печальное, худо обработанное, болотистое графство, превратилось почти вдругъ въ оживленную мѣстность, покрылось фабриками, новыми городами, и населеніе въ цѣломъ увеличилось болѣе, чѣмъ вдвое. Въ Ливерпуль и Манчестеръ, главныхъ городахъ графства, считалось жителей въ 1801 году: въ первомъ 82 т., во второмъ 94 т.; а въ 1851—375 т. и 401 т. Въ Глостроу, другомъ центре бумажной промышленности, та же причина

увеличила населеніе съ 77,058 человѣкъ, бывшихъ въ 1801 году, до 329,097 въ 1851 году.

Чулочное производство въ Нотингемѣ и Дерби особенно развило съ попыткой цѣны на шерсть и съ усовершенствованіемъ станка для тканья чулковъ. Усовершенствованіе это заключалось въ томъ, что на одномъ станкѣ стали ткать два чулка сразу. Кружевное производство сдѣлало также же успѣхи, и тутъ основная причина заключалась въ изобрѣтеніи и усовершенствованіи машинъ. Въ настоящее время ткань кружевъ заняты въ Англії болѣе 200,000 человѣкъ.

Вмѣстѣ съ развитіемъ бумажного производства пошли впередъ и отрасли промышленности, находящіяся съ нимъ въ связи — бѣленіе, крашеніе и печатаніе матерій: бѣленіе — примѣненіемъ хлора; крашеніе — быстрымъ развитіемъ хімії; а печатаніе — цѣльнымъ рядомъ самыхъ блестящихъ механическихъ изобрѣтеній.

Обработка шерсти развивалась также же быстро. Хотя шерстяное производство и составляло всегда одну изъ главныхъ вѣтвей англійской промышленности, тѣмъ не менѣе сно стояло весьма низко въ сравненіи съ тѣмъ, что производитъ Англія теперь. Въ 1782 году запасъ трехлѣтнаго сбора шерсти лежалъ въ сырьемъ видѣ, по недостатку рабочихъ. Но примѣненіе бумагопрядильной машины къ обработкѣ шерсти дало новый толчокъ всему производству, и оно пошло также же быстро впередъ, какъ и бумажное. Въ 1738 г. въ Вестрайдингѣ (Westriding) и въ Йоркширѣ было приготовлено 75,000 шерстяныхъ платковъ, а въ 1817 году — 490,000. И затѣмъ производство пошло впередъ также быстро, что въ 1834 г. было сдѣлано платковъ на 450,000 болѣе, чѣмъ въ 1825 году. Въ 1801 году было обработано 101 милл. фунтовъ шерсти, изъ нихъ 7 милл. шерсти привозной; въ 1835 г.—180 милл. фунтовъ, изъ нихъ 42 милл. привозной, а въ 1858 г. ввезено въ Англію 124,520,840 фунтовъ. Населеніе Вестрайдинга, округа, занимавшагося преимущественно шерстянымъ производствомъ, увеличилось съ 1835 г. болѣе чѣмъ на 25%. Бредсфорть, где въ 1801 г. населеніе составляло 13,264 человѣка, считалъ въ 1851 году 103,778 жителей. Шерстянымъ производствомъ занималось въ 1835 г. 71,300 рабочихъ на 1,313 фабрикахъ; а въ 1856 г. число такихъ фабрикъ составляло 2,030 и число рабочихъ 166,885.

Линная промышленность шла вначалѣ не такъ быстро, и мѣшала этому трудность примѣненія къ дѣлу бумагопрядильной машины. Хотя еще въ послѣднихъ годахъ прошедшаго столѣтія дѣлались опыты примѣненія машины къ пряжѣ льна, но только въ 1810 году удалось французу Жирару поставить это дѣло такъ, что оно могло идти въ большихъ размѣрахъ. Машина Жирара, усовершенствованная въ Англії, положила начало быстрому развитію всего производства въ такой степени, что вывозъ англійскихъ и шотландскихъ тканей съ 24 милл. ярдовъ (1820 г.) дошелъ до 51 милл. (1833 г.).

Такое быстрое развитіе англійской мануфактур-

ной промышленности не ограничилось однѣми матеріалами. Толчокъ, данный разъ, отразился на всѣхъ вѣтвяхъ промышленности, находящихся въ связи съ фабрічнымъ производствомъ. Механический двигатель, примѣненный разъ къ дѣлу, далъ огромную силу всей фабрічной системѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ — и значеніе мертвымъ до того запасамъ каменнаго угля. Далѣе, примѣненіе машинъ къ фабрічнымъ производствамъ создало въ огромныхъ размѣрахъ фабрікацію машинъ и дало толчокъ производству желѣза. Запросъ на шерсть поднялъ овцеводство, а развитіе бумажного, линялого и шелковаго производства и огромный запросъ на эти предметы — развили морскую торговлю и коммерческий флотъ. Но наибольшее развитіе досталось на долю желѣзного производства. Мѣстности, богатыя желѣзной рудой, не отличались до тѣхъ поръ ни количествомъ производимаго ими желѣза, ни самыми способами его обработки. Желѣзо обрабатывалось древеснымъ углемъ и съ уменьшеніемъ лѣсовъ и возвышеніемъ цѣнъ на уголь — поднималось и само въ цѣнѣ. Въ прошедшемъ столѣтіи впервые примѣнили къ отливкѣ чугуна коксъ; потомъ, съ 1780 года, желѣзо, добываемое посредствомъ кокса, въ видѣ чугуна, начали получать въ видѣ желѣза ковкаго. Метода эта, заключающаяся въ устраненіи изъ сплава углерода и извѣстнай подъ именемъ пудлингованія, дала особенное развитіе желѣзному производству Англіи. Къ этому присоединилась еще постройка печей огромныхъ размѣровъ и горячее дутье, давшія возможность такъ понизить цѣну матеріала, что множество вещей, которыхъ дѣлались прежде изъ камня и изъ дерева, стали приготавливать изъ желѣза. Въ 1788 году былъ выстроенъ въ Йоркширѣ первый желѣзный мостъ, а нынче почти всѣ мости на желѣзныхъ дорогахъ строятся уже изъ чугуна. Желѣзные или чугунные столбы и колонны, машинные станки, рельсы для желѣзныхъ дорогъ — создали такой сбытъ англійскому чугуну и желѣзу, и открытие Гонтсмэномъ въ Шеффилдѣ способа приготовленія литой стали, упростившей, облегчившей все производство и давшей возможность приготавливать дешево стальныя издѣлія, поставило англійское желѣзное производство первымъ въ свѣтѣ. Населеніе Бирмингама съ 70,670 человѣкъ (1801 г.) возросло до 232,841 (1851 г.); Шеффилда съ 45,755 чел. (1801 г.) — до 135,310 (1851 г.). Въ 1805 году вывезено изъ Англіи 4,300 тоннъ желѣзныхъ издѣлій и 4,600 тоннъ сырого желѣза; въ 1834 г.—16,200 тоннъ желѣзныхъ издѣлій и 107,000 тоннъ желѣза; а вся добыча желѣза, составлявшая въ 1740 году только 17,000 тоннъ, въ 1834 году дошла до 700,000 тоннъ. Въ настоящее время желѣзное производство во всемъ свѣтѣ составляетъ 140 милл. центнеровъ, и изъ нихъ 60% производить Англія. На плавку желѣза идетъ въ Англіи болѣе 3 милл. тоннъ каменнаго угля. Какъ велика весь расходъ угля и какъ разрослось это въ высшей степени важное для Англії производство, можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ. Англійскія каменно-угольныя копи даютъ ежегодно до 64 милл. тоннъ каменнаго

угля. Въ Манчестерѣ и его окрестностяхъ дѣйствуютъ постоянно машины, имѣющія вмѣстѣ до 1,200,000 силъ; на нихъ идетъ въ день 30,460 тоннъ угля, а въ годъ 9,648,665 тоннъ. На добываніе соли расходуется въ день 3,046 тоннъ, а въ годъ 964,866 тоннъ. Одни океанскіе пароходы употребляютъ въ годъ 71,000 тоннъ, а стеклянные фабрики Великобританіі — 10,156,490 тоннъ. Кромѣ такого громаднаго потребленія угля у срѣбра, Англія въ 1858 году вывезла 6,173,114 тоннъ угля за границу. Богатства же Англіі въ каменномъ углѣ такъ велики, что она одна могла бы удовлетворять потребности Европы въ каменномъ углѣ въ теченіе 4,000 лѣтъ.

Въ той же степени, какъ желѣзное, увеличилось и производство олова, мѣдіи и свинца, и рядомъ съ стекляннымъ производствомъ явилось новое — гончарное, получившее со временемъ Веджевуда (1763) особенное значеніе. Онъ поставилъ все производство на научныя основанія, развили вкусы въ произведеніяхъ, — однимъ словомъ, создалъ нордстафордширское горшечное производство (potteries), такъ что округъ этотъ, имѣющій восемь англійскихъ квадратныхъ миль и бывшій прежде почти совершенной пустыней, покрытъ въ настоящее время фабриками и селеніями, и имѣть болѣе 70,000 собственно рабочаго населения.

Такимъ общимъ широкимъ движениемъ увлечено было все; порвались старыя экономическія пути, — экономической переворотъ увлекъ все на совершенно новый путь. Большой реформы всего старого не создавало еще до сихъ поръ человѣчество. И землевладѣліе было тоже увлечено общимъ движениемъ, и не только тѣмъ, что земельная собственность перешла изъ однѣхъ рукъ въ другія, какъ это уже было сказано, но и въ другомъ отношеніи. Богатые стѣмщики земель пустили въ ходъ свои капиталы на улучшеніе почвы. Прежніе заборы и изгороди мелкихъ участковъ исчезли, болота стали осушаться, земля получила сильное удобрение; на обработку земли пошли усовершенствованные орудія, — и явилось неизѣдомое до того плодоперемѣнное хозяйство. Успѣхи хімії и механики — изысканія Деви и Липпиха — помогли еще больше; а увеличеніе населенія и запроса на сельско-хозяйственный произведенія сдѣлало то, что съ 1760 до 1834 года было обработано вновь 6,840,540 англійскихъ морговъ земли, лежавшей впустѣ. И не смотря на то, Англія изъ страны, вывозившей хлѣбъ, превратилась въ страну, нуждающуюся въ чужомъ хлѣбѣ. Въ Англію ввозится ежегодно отъ 8 до 10 милл. квартировъ хлѣба, и за это она платить отъ 18 до 20 милл. фунт. стерлинговъ, т. е. отъ 120 до 140 милл. рублей ежегодно.

Такая же дѣятельность явилась и въ устройствѣ путей сообщенія. Съ 1818 по 1829 годъ устроено вновь въ Англіи и Валлісѣ 1,000 англійскихъ миль шоссе, и всѣ старыя дороги передѣланы по системѣ Макъ-Адама. Въ Шотландіѣ съ 1803 года устроено болѣе 900 миль шоссе и болѣе 1,000 мостовъ, и населеніе горной Шотландіи поставлено было этимъ сразу въ сообщеніе съ цивилизаціей. До тѣхъ поръ

горные шотландцы занимались преимущественно контрабандой и браконьерствомъ; но съ устройствомъ сообщеній сдѣлались приложными земледѣльцами и ремесленниками, и несмотря на учрежденія народныхъ школъ, для поддержанія кельтійскаго языка, этотъ послѣдній и старые обычай стали быстро исчезать подъ вліяніемъ англійской цивилизаціи. Тоже самое и въ Ирландії. Между графствами Коркъ, Лемерикъ и Керри лежалъ огромный пустырь, безъ всіхъ проѣздныхъ дорогъ, куда скрывались обыкновенно всѣ бѣглые, всікіе преступники. Дороги открыты въ эту пустыню входъ цивилизаціи. Вся Англія имѣеть въ настоящее время сѣть прекраснѣйшихъ шоссе, какихъ нѣтъ нигдѣ, и все это устроено частной предпріимчивостью, какъ и почти все въ Англіі, безъ всякаго участія правительства.

До 1755 года Англія почти не имѣла каналовъ.

Въ этомъ году начались въ ней болѣе значительные работы этого рода; а въ 1759 г. Джемсъ Бриндлій прорылъ первый большой каналъ. Съ этихъ поръ каналы получили въ Англіі значеніе, ихъ стали рыть почти по всѣмъ направлениямъ и не-судоходныя реки превращать въ судоходныя. Въ одной Англіи каналовъ болѣе чѣмъ на 2,200 миль, а общая длина судоходныхъ рекъ составляетъ 1,800 миль. Шотландія перерѣзана Каледонскимъ каналомъ. Въ Ирландіи тоже много каналовъ. И все это, какъ и шоссе, какъ и желѣзныя дороги, — дѣло частной предпріимчивости.

Желѣзныя дороги начались въ Англіі съ 1830 г., когда открыта первая дорога между Ливерпулемъ и Манчестеромъ. Съ этихъ поръ постройка дорогъ шла съ неимѣрной быстротой, и желѣзными дорогами соединены въ Англіи не только большие города, но и многіе малые. Въ 1860 году открытые дороги представляли длину въ 2,200 иѣменскихъ миль (15,400 верстъ).

Такъ же шло и развитіе торговаго мореходства: и здѣсь парь создалъ такой же переворотъ, какъ и въ дорогахъ. Первый пароходъ устроенъ былъ въ Америкѣ въ 1807 году; первый пароходъ въ Англіи построенъ въ 1811 году; а въ 1836 году Англія считала у себя болѣе 600 пароходовъ; весь же коммерческій флотъ Англіи имѣеть въ настоящее время 37,000 судовъ, съ 180,000 человѣкъ корабельной прислуги.

Вотъ вкратцѣ исторія англійской промышленности за послѣднія семьдесятъ лѣтъ, исторія, не имѣющая ничего подобнаго въ исторіи человѣчества. Страна, какъ и всѣ, семьдесятъ лѣтъ назадъ небогата, съ слабой промышленностью и торговлей, съ небольшими городами, съ населеніемъ преимущественно земледѣльческимъ, Англія становится первой страной въ мірѣ, съ столицей въ 3 миллиона жителей, съ громадными фабричными городами, съ индустрией, не представляющей нигдѣ ничего подобнаго. Весь характеръ жизни народа, его обычай и потребности — все это измѣнилось почти до корня и не имѣть ничего общаго съ старой Англіей. Разница между нынѣшней Англіей и Англіей 1760 года такъ же велика, какъ между Франціей

нынѣшней и Франціей до 1789 года. Совершенное перерожденіе и полнѣйший переворотъ во всемъ. Но какъ ни громаденъ этотъ переворотъ, какъ ни ослѣпительны его блестящія стороны, а главнѣйшій и самый важный плодъ экономического переворота составляетъ, разумѣется, англійскій пролетариатъ, котораго старая Англія не знала.

II. Пролетарій въ большихъ городахъ.

Быстрое развитіе промышленности потребовало сначала много руку, задѣльная плата поднялась и — цѣлые транспорты рабочихъ потянулись изъ земледѣльческихъ округовъ въ города за этой выгодной платой. Такъ создались промышленные города Англіи, въ которыхъ три четверти населенія составляютъ рабочіе, а остальное — мелкая буржуазія, занимающаяся мелочной торговлей (лавочничествомъ) или ремеслами, и богатые капиталисты. Развитіе промышленности превратило ручныхъ производствъ въ машинальные, мастерскіе въ фабрики, рабочее сословіе въ рабочій пролетариатъ и богатыхъ торговцевъ въ фабрикантовъ. Какъ здѣсь вся опасность досталась на долю средняго сословія и народа, который разбился на рабочихъ и капиталистовъ, такъ случилось и съ индустріей въ тѣсномъ смыслѣ, ремеслахъ и даже торговлѣ. На мѣсто бывшихъ мастеровъ и подмастерьевъ явились богатые капиталисты и рабочіе. У послѣднихъ неѣтъ никакихъ видовъ и надеждъ выйти изъ своего положенія. Разныя производства пошли на фабричный ладъ, раздѣленіе работъ установилось во всей строгости, и мелкіе мастера, не имѣвшіе силъ соперничать съ большими заведеніями, ушли въ пролетариатъ. Въ то же время съ уничтоженіемъ ремесленныхъ производствъ и мелкой буржуазіи, рабочій сталъ принимать всѣ мѣры, чтобы сдѣлаться самому буржуа. До сихъ поръ каждый рабочій имѣлъ виды сдѣлаться мастеромъ, а затѣмъ обзавестись и подмастерьями; но съ тѣхъ поръ, какъ мастеру стали угрожать фабриканты, съ тѣхъ поръ, какъ для самостоятельного производства потребовался большой капиталъ, пролетариатъ достигъ самостоятельности, онъ сдѣлался прочнымъ, постояннымъ классомъ населения, тогда какъ прежде онъ составлялъ только прожилки буржуазіи. Теперь, кто сдѣлался рабочимъ, тому предстоитъ въ будущемъ одно — быть вѣчнымъ пролетаріемъ. Пролетариатъ сложился въ цѣлое. Но онъ пошелъ и дальше, — онъ сталъ чувствовать свою силу. Этимъ путемъ огромныя массы рабочихъ сплотились въ одно цѣлое, наполнили Британію. Положеніе современаго рабочаго, составляющаго большинство населения Европы, есть вопросъ о кускѣ насыщаго хлѣба, не всегда достаточномъ, чтобы спасти человѣка отъ голодной смерти. И что будетъ наконецъ съ этими миллионами людей, которые сегодня съѣдають то, что они заработали вчера? Вопросъ этотъ становится ужаснѣе и громаднѣе еще оттого, что буржуазія, заняла своимъ денежными интересами, не хотѣть знать ничего

о нуждѣ рабочаго. Она куетъ деньги и оставляетъ рабочаго умирать съ голоду, если для нея нѣть выгоды, чтобы онъ жилъ.

Вмѣстѣ съ централізаціей капитала явилась и централізація народонаселенія; потому что учрежденіе большихъ заведеній, фабрикъ и мануфактуръ потребовало и большаго числа рабочихъ, работающихъ въ одномъ зданіи. Всѣ эта масса рабочихъ должна жить, разумѣется, при самой фабрикѣ или какъ можно ближе отъ нея. Наконецъ и рабочие имѣютъ свои потребности; для удовлетворенія этихъ потребностей нужны опять люди, — и вотъ потянулись къ нимъ ремесленники, портные, саложники, булочники, столяры. Такимъ образомъ около фабрики группируется цѣлое населеніе, образуется деревня. Мѣстные жители, особенно молодое поколѣніе, привыкаютъ къ фабричной работе, потому что не имѣютъ другой, и если фабрика, находящаяся на мѣстѣ, не можетъ дать занятій всѣмъ являющимся къ ней рабочимъ, задѣльная плата падаетъ, и эта выгода заставляетъ фабрикантовъ строить тутъ же новые фабрики. Такимъ путемъ деревня превращается въ маленький городъ, маленький городъ въ большой. Чемъ больше городъ, тѣмъ выгоднѣе поселеніе: есть желѣзныя дороги, каналы, шоссе; выборъ между опытными рабочими богаче; новые учрежденія и постройки дѣлаются дешевле, потому что при конкуренціи рабочіе, строительные материалы, машины и самая фабричная работа становятся дешевле, нежели въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, куда все это трудно перевозить. Наконецъ, рынокъ и биржа подъ рукой, слѣдовательно, всѣ торговыя и промышленныя сношения становятся непосредственнѣе и дешевле. Вотъ причина быстраго увеличенія фабричныхъ и промышленныхъ городовъ. Но и сельскія мѣстности представляютъ тоже свою выгода, — тамъ дешевле рабочій, дешевле его содержаніе. И въ этомъ отношеніи сельскія мѣстности находятся въ постоянній конкуренціи съ городами, такъ что учрежденіе новыхъ фабрикъ въ селахъ представляетъ всегда свои выгода. При такомъ стремленіи фабрикъ учреждаться въ мѣстностяхъ дешевой задѣльной платы, централізующая сила фабрикъ остается въ прежней мѣрѣ, такъ что каждая новая фабрика, учрежденная въ городе, имѣеть уже въ себѣ зародыши будущаго фабричного города. Если стремленіе къ фабричности, существующее теперь въ Англіи, продержится въ ней въ той же силѣ еще сто лѣтъ, то вѣрно можно сказать, что каждый промышленный округъ Англіи превратится въ одинъ огромный городъ.

Въ большихъ промышленныхъ городахъ промышленность и торговля достигаютъ своего высшаго развитія, и съ этимъ, разумѣется, всѣ послѣдствія ихъ и вліяніе на пролетарія являются яснѣе и вынужднѣе. Централізація собственности достигаетъ высшаго предѣла, и, какъ въ огромной химической лабораторіи, совершаются разложение всего прежніаго строя жизни, прежніхъ обычаевъ. Вотъ почему въ большихъ городахъ виднѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, все насленіе народа, его дѣленіе на крайнихъ бѣдныхъ и на крайнихъ богатыхъ, виднѣе